

УДК 316.624:323.28

Т. В. Излученко, В. И. Кудашов

Религиозный экстремизм как форма девиантного поведения: социально-философский анализ

В статье обосновывается эффективность исследования религиозного экстремизма как формы негативного девиантного поведения, классифицируемой в качестве противоправной деятельности. Социально-философская интерпретация экстремизма как социокультурного и политического конструкта позволяет выявить принципы его формирования и механизмы функционирования. Анализируются общее и особенное религиозных групп и религиозных экстремистских организаций, социальных отклонений и проявлений экстремизма.

Ключевые слова: девиантность, девиантное поведение, религиозный экстремизм, радикализация, насильственный экстремизм, социальная девиация.

Izluchenko Tatyana Vladimirovna — Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: izluchenko@mail.ru

Kudachov Vyacheslav Ivanovich — Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: vkudashov@mail.ru

Religious extremism as a form of deviant behavior: socio-philosophical analysis

Keywords: deviance, deviant behavior, religious extremism, radicalization, violent extremism, social deviation

The article substantiates the study effectiveness of the religious extremism essence by the deviantology approaches to the offenses and immoral acts study. The results can contribute to the optimization of countermeasures. The aim of the study is to consider religious extremism as a form of negative deviant behavior. The research methodology is based on the postmodern approach (Y. Gilinsky, Y. Komlev) of deviance as a social and cultural construct. The causes of extremism are considered within the framework of the functional approach, the cognitive and psychological prerequisites are conceived by the concepts of E. Smolevoy and L. Agnati, and the determinism of extremism by social conditions is E. Yaroshevich. The analysis of the relationship of religious tradition and extremist manifestations is carried out on the basis of the ideas of M. Juergensmeyer, Joh. Beller. Extremism is a relative and conventional concept, expressing cultural, social and mental processes in a symbolic form, which are interpreted by society as the causes of destructiveness. Deviance is caused by cognitive systems work, mental states of people who are susceptible to certain ideas. Deviance is expressed in behavior that deviates from the prevailing social standards. The performed actions are perceived by society as a threat to their internal stability. The extremist's actions cause social tensions and lead to repressive measures of coercion by the state. This contributes to the thinking radicalization, the group opposition to the society and the external communication restriction, which are intensified by the religious factor. The dichotomous position «We – They» acquires the extreme form «Ours – Enemies». «We» are sacred and «They» are demonized. The socially negative consequences of the religious extremist's behavior are determined by the attitude of the social environment, the system of interactions and the personal qualities of charismatic leaders. Violent religious extremism is understood as the result of the closed group radicalization, the ideology of which includes apocalyptic sentiments and the conviction of their direct participation in the space struggle, the opposition of good and evil. By referring to the sacred, extremists use violence in the fight against chaos. Extremist ideology includes eschatological sentiments and conviction in direct participation in the «cosmic war» of Good and Evil, the purpose of which is to establish the world order and resolve socio-political and economic problems as soon as possible. Declaring of exclusivity, a reference to the sacred, the integration of followers and other organizational features are not unique to religious extremist organizations. They are peculiar to any religious associations. The status of an «extremist organization» is determined by the current legislation, the purpose of an activity that is different from the religious tradition and has a political orientation, and destructive consequences for society.

В статье обосновывается эффективность исследования религиозного экстремизма методами девиантологии по изучению правонарушений и аморальных поступков. Полученные результаты могут способствовать оптимизации мер противодействия экстремизму. Целью работы является исследование религиозного экстремизма как формы негативного девиантного поведения. Методология исследования основывается на постмодернистском подходе (Я. Гилинский, Ю. Комлев) к девиантности как социальному и культурному конструкту. Причины возникновения экстремизма рассматриваются в рамках функционального подхода, когнитивные и психические предпосылки — концепциями Е. Смолевой и Л. Агнати, а детерминированность социальными условиями — Е. Ярошевич. Анализ взаимосвязи религиозной традиции и экстремистских проявлений осуществляется на основе идей М. Юргенсмайера, Дж. Беллера. Экстремизм представляется релятивным и конвенциональным понятием, выражающим в символической форме культурные, социальные и ментальные процессы, которые интерпретируются социумом причинами деструктуризации. Девиантность обуславливается работой когнитивных систем, психическими состояниями людей, восприимчивых к определённым идеям, и выражается в поведении, отклоняющимся от сложившихся общественных норм. Совершаемые действия воспринимаются обществом как угроза своей внутренней стабильности. Действия

экстремистов вызывают социальную напряжённость и приводят к репрессивным мерам принуждения со стороны государства. Они способствуют радикализации мышления, противопоставлению группы социуму и ограничению внешней коммуникации, усиливающиеся религиозным фактором. Дихотомическая позиция «Мы — Они» приобретает крайнюю форму «Свои — Враги». «Мы» сакрализуется, а «Они» демонизируется. Социально-негативные последствия поведения религиозных экстремистов детерминируются отношением социальной среды, системой интеракций и личностными качествами харизматичных лидеров. Насильственный экстремизм является результатом радикализации замкнутой группы. Экстремистская идеология выражает эсхатологические настроения и убеждённость в непосредственном участии в «космической борьбе» Добра со Злом, целью которой является установление мирового порядка, разрешение социально-политических и экономических проблем в кратчайшие сроки. Декларирование своей исключительности, отсылка к священному, интеграция последователей и другие организационные свойства не являются уникальными для религиозных экстремистских организаций. Они свойственны любым религиозным объединениям. Статус «экстремистской организации» определяется действующим законодательством, целью совместной деятельности, отличной от религиозной традиции и обладающей политической направленностью, а также деструктивными последствиями для социума.

Введение

В современном мире актуализируется изучение социокультурных феноменов, вызывающих дискуссию относительно оценки их влияния на общественные и политические процессы, факторов возникновения и мер противодействия при наличии их негативного воздействия. Приоритетным направлением работы по укреплению гражданского единства, достижению межнационального и межконфессионального согласия провозглашается формирование «в обществе обстановки нетерпимости к экстремистской деятельности и распространению экстремистских идей» [1]. Экстремизм определяется деструктивным социокультурным феноменом и исследуется как правонарушение. Однако при этом сущность экстремизма остаётся не раскрытой. Что же понимается под экстремизмом? И почему экстремисты себя таковыми не считают? Наоборот, они позиционируют свою деятельность логически обоснованной не только священными текстами и авторитетными мнениями, но стремлением способствовать благосостоянию всего общества, борьбе с негативными социальными процессами. Государство разрабатывает антиэкстремистское законодательство, в соответствии с которым одни объединения и действия признаются экстремизмом, а другие нет. При этом иное государство может диаметрально противоположно относиться к этим же объединениям и действиям. В основе этого находится степень потенциальной и реальной угрозы конкретному существующему социально-политическому устройству и исторически сложившееся отношение к проявлениям такого рода в конкретном обществе (степень девиантности).

Возникающие межрелигиозные противоречия и трудности в религиозно-государственных отношениях, обусловленные политическими и социально-экономическими условиями, способствуют развитию групп экстремистской направленности, основывающих свою деятельность на религиозных идеях, что порождает ряд научно-исследовательских проблем. Во-первых, наличие религиозных составляющих требует проведение анализа организованных форм совместной деятельности, культа и философско-богословского содержания идеологии. Его результаты необходимо сопоставлять с практикой реализации права на свободу совести для разграничения законных и противоправных действий людей, ссылающихся на религиозную принадлежность, а также для демаркации деятельности религиозных групп и религиозных экстремистских организаций. Во-вторых, политическая и правовая оценка явлениям даётся относительно исторического контекста и действий, зафиксированных на определённой территории, при сопоставлении с действующим законодательством и пониманием девиантности. Интерпретация действий происходит в социально-правовом контексте, поскольку только в нём оно имеет смысл, с указанием формы девиантности и характера правонарушений. Во многом сложности в минимизации деструктивного влияния и эффективного противодействия экстремизму заключаются в отсутствии концептуально осмысленного и комплексного подхода к данному феномену.

Целью нашей работы является исследование религиозного экстремизма в качестве формы девиантного поведения методами девиантологии и социологии отклонений. Для этого нам необходимо проанализировать существующие подходы к девиантности и её возникновению, определить философское и правовое содержание понятия «религиозный экстремизм» и охарактеризовать его особенности как формы негативного девиантного поведения. Этимология и семантика понятий «экстремизм» (от лат. *extremum* – крайний) и «девиация» (от лат. *deviatio* — отклонение) указывают на то, что их проявления обладают схожими чертами и являются удалениями от нормы. Однако они обладают рядом сущностных отличий, вызванных спецификой мышления и поведения, факторами возникновения, целями деятельности и характером обоснования. В дальнейшем полученные нами результаты позволят интерпретировать действия экстремистов, обусловленные социально-политическим, историческим и философско-богословским контекстом, и оптимизировать противодействие методами, применимыми к иным правонарушениям.

Методология

Исследование экстремизма как девиантного поведения основывается на классификации его в качестве действий против основ конституционного строя и безопасности государства, предусмотренных статьями 280, 280.1, 282, 282.1, 282.2 и 282.3 Уголовного кодекса Российской Федерации. Методологическая основа является интегративной. Она разработана в рамках постмодернистского подхода, который акцентирует внимание на девиациях как на социальных и культурных конструктах. Основными принципами исследования являются специальные социологические приёмы Я. Гилинского: а) девиантные практики не являются уникальными; б) знание о них всегда неполное и ограниченное; в) интерпретация социальных норм и отклонений изменчива; г) изучение в рамках социального контекста, которые дополняются статистическими и качественными методами при учёте социальных ситуаций и мотиваций. Анализ девиантности и взаимодействия всех участников конструирования осуществляется на основе исследований диффузных реалий Ю. Комлева. Правонарушители, представители правоохранительных органов и эксперты с помощью языковых средств конструируют как сам феномен, так и формы его социального контроля. Характеристика происхождения экстремистской идеологии и мотивация людей к участию в противоправной деятельности объясняется функциональным подходом. Проявления экстремизма представляют значимость для жизнедеятельности определённой категории людей, отвечая их внутренним запросам и формируя специфические стили мышления и поведения, а также выполняя некие социальные функции. Психологические и когнитивные особенности сознания, выступающие основой для девиации и экстремизма, рассматриваются концепциями Е. Смолевой и Л. Агнати, а детерминированность — Е. Ярошевич. Установление взаимосвязи религиозной традиции и экстремистской идеологии происходит на основе идей М. Юргенсмайера, Дж. Беллера. Социально-философский анализ позволяет выявить общее и особенное религиозной экстремистской деятельности и девиантного поведения, способствует интерпретации поведения экстремистов как специфической модели поведения.

Подходы к исследованию девиантности

Девиантность является объектом исследования девиантологии — науке о различных формах отклоняющегося поведения и механизмах социального контроля; социологии девиантности и социального контроля [2]. Выделяются следующие принципы изучения девиантного поведения. Первый заключается в признании его социальным феноменом, присущим всем без исключения социальным системам. Второй указывает на важность изучения применительно к определённому обществу в конкретный исторический период, что отражает релятивный, конвенциональный характер девиации как социального конструкта. Третий — все девиации функциональны и неустранимы. Всё, что не является функциональным и, следовательно, не способствует пользе социума, исключается в процессе исторического развития. Социальный контроль необходимо направлять на минимизацию негативных последствий формальными и неформальными средствами в рамках гуманизации при сокращении репрессивных мер. Он должен корректировать виды отклонений, а не стремиться к их полному уничтожению. Р. Прус под девиацией понимает ситуации, интерпретируемые социумом как угрозы, оскорбления культуры и традиции, аморальность, наличие которых его дискредитирует [3, с. 60—65]. Однако люди создают свои представления об объективной действительности посредством взаимодействия с окружающими в процессе коммуникации. Исследовательский интерес будет представлять, по мнению Ю. Ю. Комлева, человек с отклонениями как продукт определённого общества, его нормативно-ролевой структуры, культуры и дискурсивных практик. Девиантность может иметь положительные (творчество) или негативные (преступления) последствия [4]. Н. Кристи отмечает, что конструирование феномена преступности зависит от воли властей. Действие становится таковым после придания ему должной оценки, оглашения позиции специалистами и подтверждения судом [5].

В классификации того или иного действия в качестве девиантного необходимо определение границ социальных норм, являющихся результатами отражения в сознании и поступках людей объективных закономерностей общественного развития. Любые социальные нормы относительно, как и отклонения от них. В зависимости от исторического периода отклонения могут рассматриваться позитивными или негативными, так как они представляют собой социальные конструкты, которые являются изменчивыми и разумными и которые выполняют социальные функции. Они позволяют разграничивать дозволенное и недозволенное, поддерживают интегративные тенденции внутри социума, способствуя консолидации нормопослушных граждан и противопоставлению их девиантам. Это может выразиться в составлении специализированных списков. Например, в России существуют «Перечень экстремистов и террористов (действующие)», опубликованный на официальном интернет-ресурсе Росфинмониторинга [6].

Девиантность характеризует действия, отклоняющиеся от установленных в определённом обществе моральных и правовых норм. Под девиантным поведением понимаются конкретные поступки в рамках субъект-объектных отношений, в которых задействованы люди, непосредственно их совершающие, и люди, воспринимавшие их таковыми. Девиантность проявляется в способности формировать, планировать, принимать решения и совершать противоправные действия, которые приводят к общественно-негативным последствиям [7, с. 42]. Социально-негативными девиантными действиями являются правонарушения и аморальные поступки. Социальная неопределённость и характер социальных отношений обуславливает закономерное, устойчивое и массовое распространение во времени девиантных форм поведения. В этой связи девиантное поведение есть мотивированное деяние, которое сопровождается несоответствием общепринятым культурным и социальным нормам, причинением вреда окружающим и приводит к общественной оценке и

осуждению. Формами его проявления являются индивидуальный социальный акт, последовательность актов и социальное явление, включающее множество поведенческих актов при их устойчивости в течение исторического периода и территориальной распространённости. В случае правонарушений механизмы социального контроля активируют правовые регуляторы, поэтому девиантное поведение необходимо рассматривать как антрополого-культурно-нормативный социальный феномен [8].

В отечественной науке сложилось несколько подходов к изучению девиаций. Е. Ярошевич, отмечая значимость детерминационного анализа к генезису и развитию девиаций (этиологию), указывает на наличие сложных индивидуальных и социальных взаимосвязей, динамического отношения человека и объективной действительности. Отклонения детерминированы социальной средой и характером коммуникаций (интеракций), совокупностью биологических, психических и социальных свойств человека, а также обстоятельствами совершения. В основе девиантного поведения находятся диспозиции, которые определяют предрасположенность к восприятию определённых условий и готовность к совершению поведенческого акта, последовательности поступков. В этом выражается отношение человека к социуму, имеющийся социальный опыт и субъективные интересы, а также характеризуется его жизненная позиция [9].

Психологический подход к происхождению девиантности развивает Е. Смолева, особо отмечая социально-психологическую дезадаптацию и взаимосвязь с виктимностью. Предпосылкой данного поведения она считает возникновение проблемной ситуации с виктимной личностью, вызывающей фрустрацию в результате противоречия «между желаемым и допустимым, при конфликте – межличностным или внутриличностным противоречием, при стрессе – сильным нестандартным воздействием, при кризисе – резкой сменой жизненных обстоятельств» [10]. Девиантное поведение выступает ответной реакцией на проблемную ситуацию, позволяя переложить ответственность с себя на окружение. Когда человек ощущает себя полноправным субъектом значимой для него социальной коммуникации, разрешение сложных ситуаций осуществляется в рамках действующих норм. Девиантность представляется социально-психологическим феноменом, характеризующимся нарушением социальной адаптации, снижением активности при усвоении общественных ценностей, доминированием индивидуальности и устойчивой направленностью на отклонения.

Интеракционистский подход предполагает, что конструирование социальных проблем осуществляется обществом в лице власти, общественного мнения и средств массовой информации (СМИ). Они определяют соответствующие маркеры, признаки и границы отклонений. Любые социальные феномены, конструируясь интерпретирующими их людьми, становятся реальными. Они выступают символическими массово воспроизводимыми интеракциями, а также действиями и представлениями конкретных людей, имеют знаковые формы и ментальные образы, постоянно изменяются, будучи незавершёнными и переосмысляющимися трансформациями, и являются результатом предшествующего опыта. Девиантное поведение, в том числе и преступление, есть релятивное и конвенциональное понятие, обозначающее социальный и языковой конструкт, продукт культурных, социальных и ментальных процессов [11, с. 65]. Правовой статус действия обуславливается государством, в котором они совершаются, а также мерами социального контроля. Не существует действия, сущностно являющегося преступным — девиантным.

Девиантные проявления создаются в процессе реагирования на нежелательные виды деятельности. Я. Гилинский определяет девиантность как социальное явление, выражающееся в относительно массовых, статистически устойчивых формах деятельности, не соответствующих официально установленным (праву) или фактически сложившимся (обычаям и традициям) в данном обществе (культуре) нормам и отношениям [11, с. 7]. Процесс конструирования девиантности включает в себя множество однородных актов, их проблематизирование, легитимизацию проблем и их последствия, выработку социального контроля. Значимая роль в актуализации проблемы экстремизма для широких масс населения отводится СМИ, которые позиционируют её как угрозу национальной безопасности. При увеличении упоминаний и акцентировании внимания СМИ на каких-либо социальных проблемах общество ощущает их рост и воспринимает их в качестве угрозы. Так, отмечается рост «исламской угрозы» в России. Однако ислам выступает фактором идентификации и создания благоприятных условий для продуктивного межрелигиозного диалога [12].

Социальный конструктивизм рассматривает девиантность в качестве результата повседневных практик социального взаимодействия. Объективная действительность понимается как конкретность физического мира, опосредованная социально сконструированными смыслами, которые люди сами создают и воспроизводят как вариации и трансформации того, что уже существует. Поведение людей определяется как равное и значимое, отрицательное и негативное относительно других. С. Генри обосновывает необходимость существования социологии отклонений и социального контроля как самостоятельной науки, исследующей индивидуальное и коллективное поведение, девиантность социальных движений (субкультур), последствия маркировки (клеймирование) — символического оформления обществом девиантного поведения, а также как науки, разрабатывающей способы морального осуждения, наказания или оправдания. Эффективность реинтеграции девиантов обуславливается мерами сглаживания и минимизации последствий. Целью социологии девиантности и социального контроля должно стать создание общей основы объективных знаний для исследования девиантного поведения [13].

Оценка девиантного характера действий осуществляется по критериям: а) функциональности или дисфункциональности социальных ролей; 2) наличия и уровню воспринимаемой угрозы социальному порядку, то есть причин и последствий на индивидуальном и коллективном уровнях. С. Стауфер, подчеркивая роль уголовного законодательства в определении девиантности, указывает на невозможность при сложившейся

уголовно-исправительной системе нарушительно самостоятельно принять ответственность, проявить раскаяние и возместить ущерб, так как отрицается возможность личностных трансформаций. Действующее законодательство выступает официальным санкционированным государством институтом, осуществляющим процесс маркировки (клеймирования), результат которого будет сохраняться в течение всей жизни нарушителя. При вынесении решения, классификации отклонений как правонарушений не учитываются особенности исторического, социально-экономического контекста, временные рамки и жизненные условия. Это не позволяет переинтерпретировать совершённые поступки, воспринимать намерения девиантов в качестве конструктивных и создавать возможности для искупления, исцеления и реконструкции [14].

Итак, под девиантностью понимаются любые идеи или поступки, которые воспринимаются конкретным обществом в определённое время аморальными и дискредитирующими его элементами. Экстремизм представляется социокультурным и политическим явлением, следствием которого является разжигание социальных конфликтов и дестабилизация существующего политического положения. Экстремистами именуются люди, сознательно противопоставляющие себя обществу дихотомической позицией «Мы — Они» в её крайнем проявлении — пропаганде исключительности одних и неполноценности других, негативно относящиеся к представителям иных мировоззренческих установок, отвергающие социокультурные и правовые нормы, совершающие соответствующие действия, включая применение насилия.

Социокультурная и политическая составляющая религиозного экстремизма

Девиантный характер действий определяется общественными представлениями и нормами, а противоправный — действующим законодательством. При этом мнение широкой общественности зачастую не совпадает с позицией правоохранителей. Законодательство России характеризует экстремистскую деятельность, обозначая следующие её проявления: насильственное изменение основ конституционного строя; нарушение территориальной целостности; терроризм; возбуждение розни и пропаганда исключительности, превосходства по какому-либо признаку и др. [15]. Экстремизм включает а) идеологию как мировоззренческую систему координат; б) специфические модели мышления и поведения; в) организованную совместную деятельность; г) способы вовлечения и д) систему обучения. Виды экстремистской деятельности определяются исследователями по политическим, националистическим, религиозным, экологическим компонентам, а также при указании возрастного фактора (молодёжный). Религиозные, национальные или иные компоненты выступают идеологическим содержанием, придающим смысл и обосновывающим достижение конкретных политических целей. При определении сущности экстремизма отмечается ряд характеристик: а) применение насилия; б) осуществление противоправной деятельности, направленной на изменение существующего политического режима; в) пропаганда нетерпимости и практика реализации подобных убеждений в политической сфере; г) антидемократизм; д) антиплюрализм; е) отрицание прав и свобод человека [16, с. 179].

Религия определяет характер социальных отношений и разрабатывает философско-богословскую основу для совместной деятельности верующих. Любая религия интегрирует своих последователей в единое сообщество, доказывает мессианское значение и убеждает в истинности своего вероучения. Интолерантное отношение к иным мировоззренческим убеждениям объясняется исторической сущностью и предназначением религии как социально-экономического, культурного и политического феномена, осуществляющего консолидацию людей [17, с. 30–31]. Однако когда убеждённость в исключительности направляется на разжигание ненависти и стимуляцию социальных конфликтов с применением насилия, тогда деятельность становится противоправной. Религиозные убеждения усиливают возможность применения насилия, обосновывая исполнением воли священного. Экстремизм преобразует религиозную традицию в соответствии с политическими целями, используя мировоззренческие, манипулятивные и компенсаторные свойства религии.

Любые религиозные группы являются склонными к поляризации и разграничению людей на своих и чужих. С богословской позиции они подходят к разрешению повседневных вопросов, определению коммуникационных контактов и установлению распорядка дня участников. М. Юргенсмайер утверждает, что основой для применения насилия религиозными организациями выступает путаница между ценностями и моралью. В насильственном противопоставлении «Мы — Они» участники экстремистских организаций выражают своё участие в космической борьбе (cosmic war) — в противостоянии между Добром и Злом, которое, по их мнению, в настоящее время находится в точке кризиса и требует максимальной отдачи от всех [18]. Данные эсхатологические мотивы также обосновывают насильственные действия, целью которых провозглашается установление всеобщего мирового порядка. Апокалипсические настроения и активность харизматичного лидера увеличивают вероятность проявлений насильственного экстремизма. К. Рамакришна характеризует следующие предпосылки возникновения насильственного экстремизма. Первая — формирование на определённой территории идеологической экосистемы, состоящей из отдельных религиозных проповедников (духовных лидеров), культовых мест и системы обучения, основой которой являются школы-интернаты. Вторая — политические и социально-экономические трудности, которые не разрешаются правительством. Религиозные экстремистские организации предлагают действенное их решение в кратчайшие сроки. Третья — популярность ваххабитских идей, которая приводит к отказу от местных традиций в пользу арабской культуры [19].

Насильственный экстремизм усиливается совместной религиозной деятельностью при наличии внешней угрозы для группы и её ценностей, а индивидуальная религиозность способствует ослаблению. Дж. Беллер и

С. Крогер провели соответствующее исследование, в котором учитывались: а) степень религиозности — личное знание религии, частота молитв, посещаемость религиозных сооружений, чтение священных текстов; б) уровень воспринимаемой угрозы — исторически сложившаяся напряжённость, межрелигиозная враждебность; в) демографические переменные — пол, возраст, образование, уровень урбанизации. Более склонными к насилию оказались мужчины, часто посещающие религиозные сооружения (мечети, церкви, места собраний), при наличии высокого уровня потенциальной угрозы, а менее — женщины с высоким уровнем образования и разделяющие традиционные идеи. Возраст, личное отношение к религии, частота чтения религиозных текстов значения не имеют [20]. Кроме того, предрасположенными к насилию являются люди более замкнутые и не имеющие широких внешних контактов. С. Эвертон отмечает определённую тенденцию — в любой замкнутой группе мировоззренческие установки из всех имеющихся стремятся в сторону наиболее крайних версий. Внешнее давление на группу со стороны государства, отмечающего противоправный характер действий, и общества, подчеркивающего наличие отклонений в поведении участников, усиливают радикализацию. Это приводит к сакрализации «Мы» — «Свои» и демонизации «Они» — «Чужие», сведению внешних контактов к минимуму и увеличению интенсивности взаимодействия между своими, вовлечению новых участников только посредством доверительных связей и личных знакомств [21].

Религиозные экстремистские организации являются строго стратифицированными по критериям доступа к информации и исполняемым статус-ролям. Лидеры разрабатывают альтернативные интерпретации социально-политических и духовных процессов на основе идеологических положений и собственных потребностей и интересов. Рядовые участники, принимая требования руководства в качестве религиозных обязательств, совершают противоправные действия, являясь искренне убеждёнными в следовании религиозной традиции. Участие в совместной деятельности мотивируется возможностью достижения индивидуальных целей. Для поддержания целостности данные организации предоставляют участникам свободу создания индивидуальных смыслов, возможности для самореализации и коллективную поддержку и заботу. Когда человек осознаёт свою значимость, удовлетворяет свои потребности в доверии, надёжности и развитии в конкретной организации, то он начинает идентифицировать себя с ней. Внутри экстремистских организаций существует своя система социальных норм и социального контроля, что приводит к формированию специфического понимания девиантности. Понимание отклонений и девиантного поведения применимо и относительно них. Общество и государство воспринимают поступки религиозных экстремистов девиациями. В свою очередь, религиозные экстремисты также относятся к поведению иных людей, которые не желают, по их мнению, следовать логичному и разумному пути развития, предлагаемому их идеологией. Отвечая на вопросы, заданные в начале статьи, мы отмечаем сложность выявления сущности экстремизма по причине относительности девиантности, её применения как маркера к различным социальным проявлениям, а также необходимости учёта действующего законодательства, социально-политического и исторического контекста. В социально-философском анализе религиозного экстремизма продуктивным представляется обозначение девиантности как одного из аспекта исследования анализа наряду с психическими особенностями, работой когнитивной системы и отношением действующего законодательства.

Противодействие экстремизму как негативному социокультурному и политическому явлению должно учитывать девиантный характер действий, особенности когнитивной системы и психики участников экстремистских организаций, а также действующее законодательство. Из предлагаемых мер стоит отметить несколько вариантов. Первый, составление «карт заражённых районов» посредством оперативно-розыскных мероприятий и социальных исследований для последующей концентрации ресурсов на проблемных территориях [19]. Второй, использование математической модели для вычисления критического уровня экстремистов в обществе при учёте социальной динамики, скорости реабилитации и среднего срока уголовного наказания, а также выделение в обществе категорий восприимчивых, экстремистов, вербовщиков и реабилитирующихся [22]. Третий, рассмотрение конкретных действий в культурном контексте как отход от гармонии и благополучия общества, в решении которого необходимо осуществлять поиск правды при последующем извинении, прощении и примирении. Материальное возмещение является показателем принятия ответственности и стремления исправлять совершённые ошибки [14]. На наш взгляд, интеграция указанных предложений в существующую антиэкстремистскую систему может способствовать оптимизации материально-финансовых затрат и повышению эффективности, а демаркация социальных девиаций и противоправных действий экстремистской направленности — конкретизации законодательства в этой области.

Девиантность религиозного экстремизма как социокультурного и политического конструкта

Девиации могут иметь и конструктивный аспект, выражающийся в акцентировании внимания на определённых нормах, повышении личной самобытности и даже пропаганде некоторых здоровых культурных традиций. Именно социокультурный и политический контекст формирует характер отклонений. Религиозные экстремисты организуют свою совместную деятельность и функционируют в качестве социальных групп. Они используют свойственные всем объединениям людей характеристики, которые реализуются в специфических проявлениях. Отметим несколько.

Первая — создание психологического комфорта и формирование ощущения индивидуальной значимости. Любая организация стремится создать благоприятный климат, подкрепляемый одинаковым восприятием действительности и единообразной моделью мышления и поведения. Организованное взаимодействие при

наличии общего психологического состояния, общей цели, согласно которой участники организуют свои статус-роли, и мировоззренческих убеждений, а также участия в совместных ритуальных практиках создаёт общую интенциональность и институциональную реальность. Каждый участник принимает потребности других и в соответствии с этим строит свою иерархию потребностей. Формирование единых смыслов событий и конструирование реальности происходит посредством нарративов. При этом участники воспринимают свою повседневную жизнь в качестве подлинного существования [23].

Социальная идентичность отражает социально-психологический контекст отклонений. Люди инстинктивно стремятся к тем социальным группам, которые обладают положительными качествами, проявляют заботу, предоставляют душевную теплоту и поддержку, а также сложившимися чёткой нормативной системой и путями удовлетворения потребностей в самореализации [24]. Религия используется для формирования коллективной идентичности. Критерием адаптации человека выступает интеллектуальная и психологическая сопричастность коллективу, а не его предшествующие социальные роли [25, с. 48]. Религиозные экстремистские организации предлагают систему норм и ценностей, характеристикой которой является чёткая мировоззренческая дихотомия, разграничение добра и зла. При наличии таких девиантных групп общество стремится от них дистанцироваться, создавая и поддерживая свой позитивный образ при сопоставлении с ними. Так мусульмане во всем мире отказываются признавать исламских террористов мусульманами, указывая на совершение ими девиантных действий относительно исламской традиции.

Религиозные экстремистские организации направляют своих участников на достижение общей цели, формируя у них соответствующие мировоззренческие установки и подкрепляя ощущением подлинности существования. Формирование единых представлений о коллективной деятельности и функциональных обязанностях, интерпретация действий происходят в процессе социального конструирования. Все пропагандируемые идеи религиозными экстремистами являются порочными, так как не реагируют на рациональную критику и провоцируют негативные процессы в мышлении [26, с. 712]. При этом религия не только придаёт смысл их жизни, но и способствует конструированию альтернативной реальности, опирающейся на идею установления мирового порядка. Противопоставление себя окружающему миру основывается на отказе принять существующий порядок, что вызывает психологическое возмущение и провоцирует стремление создать лучший мир, который будет соответствовать их представлениям и идеологическим положениям [27, с. 169–170]. Деятельность террористической организации «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» направлена на установление идеального государства — халифата, которое будет функционировать на принципах справедливости ко всем людям [28].

Вторая характеристика заключается в наличии идеологии, состоящей из социально-философских положений, обосновывающих характер совместной деятельности и разделяемых всеми участниками. Идеология культивирует чувство преданности, усиливает его фактором священного и обосновывает исполнением «великой» миссии, подкрепляя социальными и религиозными ритуалами, для достижения цели. Этим обеспечивается организованная форма совместной деятельности, осуществляется поощрение и побуждение участников к противоправным действиям. Коллективные представления определяют индивидуальные подходы на объективную действительность, формируют соответствующий образ мышления и поведенческие паттерны. Их соответствие социально-философским положениям идеологии регулируется механизмами внутриорганизационного социального контроля. Идеология религиозных экстремистских организаций представляет собой совокупность социально-философских положений, конструирующих альтернативную реальность и обосновывающих специфические стили мышления и поведения. Они представляются в виде нарративов, создаются лидерами на основе авторитетных священных текстов и подкрепляют уникальность группы [29, с. 131]. Религиозные экстремисты, стремясь доказать истинность своих убеждений, получают сходство с фанатизмом, интенсивным чувством идеологического пыла, сопровождающимся высококонцентрированным и устойчивым набором действий, в которых выражается преданность к определённой системе мировоззренческих установок [3, с. 49].

Третья — интуитивное противодействие процессуальной несправедливости в группе и поиск путей самореализации. Стабильное функционирование и психологическое благополучие людей зависит от уровня личностной независимости — наличия возможностей проявить свободу воли, и социально ответственного взаимодействия с другими. Отклонения становятся результатом неудовлетворённости социальных потребностей в существующей психологической среде. Процессуальная несправедливость, при которой единые правила не соблюдаются всеми участниками в зависимости от их статус-ролей, отсутствие возможностей повлиять на общественную и политическую жизнь, неточность предоставляемой информации и отсутствие моральных стандартов, общих для исполнения всеми, приводит к угнетению взглядов и чувств, психологическому расстройству рядовых участников и, как следствие, девиантным проявлениям. Дж. Мишель и М. Харгис отметили, что мотивация девиантных действий опосредуется наблюдаемой процессуальной несправедливостью [30]. Религиозные экстремистские организации учитывают данную мотивацию и стремление людей к процессуальной справедливости, декларируют равенство всех участников перед священным и относительно друг друга. Ими отрицается структурная иерархия. Однако провозглашаемое социальное равенство не соответствует действительности, а выступает конспиративным механизмом. Оно затрудняет сотрудникам правоохранительных органов выявлять структуру и доказывать наличие организованной деятельности, так как каждый участник декларирует их отсутствие.

Кроме того, обоснованием девиантного поведения религиозных экстремистов можно рассматривать их отношение к существующему обществу как неинновационному, которому недостаёт подлинности и которое ограничивает их личностный рост. Мотивацией выступает стремление выйти из него и стать членом другого, инновационного, общества, позволяющего и поощряющего индивидуальность, наделяющего рациональным смыслом события, который отвечает субъективным запросам человека. Они начинают поиск своего «Я», что приводит к нарушению правил, контрпродуктивному и дисфункциональному поведению [23]. Участие в деятельности экстремистской организации представляется одним из вариантов реализации данного стремления к подлинному существованию. При этом участниками игнорируется, что данные организации обладают собственными социальными нормами и системой их контроля, а поддержание совместной интенциональности осуществляется нарративами, закреплёнными в идеологии. В результате они из одной повседневности переходят в другую, которая, предъявляет свои требования и предоставляет, как правило, значительно меньше альтернатив решения проблем и возможностей для самореализации.

Справедливости ради стоит отметить, что указанные организационные свойства не являются уникальными для религиозных экстремистских организаций. Они имеют место быть в любом религиозном объединении, в том числе и в тех, которые осуществляют противоправную деятельность. Статус «экстремистской организации» обуславливается действующим законодательством в данной области, целью деятельности, отличной от религиозной традиции и обладающей политической направленностью, а также деструктивными последствиями для социума. Государство определяет противоправный характер деятельности и отделяет данные социальные группы, внося их в перечень экстремистских организаций [31]. Именно наличие тех же качеств, механизм работы и формирования религиозного мировоззрения, что и у любых религиозных объединений, позволяет экстремистским организациям эффективно функционировать. Во-первых, ими используются тысячелетиями проверенные и отобранные способы прозелитизма, вовлечения и обучения, а также когнитивные состояния сознания и особенности психики для включения идеологических положений в уже существующие представления об окружающем мире, обществе и самих себя. Во-вторых, обладая внешними свойствами религиозных объединений и преобразуя религиозные идеи, они позиционируют свои действия в рамках религиозной традиции, а соответствующие действия правоохранительных органов — как посягательства на осуществления ими своего права на свободу совести и притеснения религии. Если деятельность религиозной экстремистской организации не имеет ярко выраженного девиантного характера, то нередко в их защиту выступает широкая общественность. Например, уголовное наказание участников международного религиозного объединения «Нурджулар» [32], деятельность которого позиционируется исполнением норм исламского вероучения и основывается на специфическом толковании Корана, представляется многими правозащитниками необоснованным и превышающим полномочия правоохранителей.

Заключение

Религиозный экстремизм как социокультурный и политический конструкт современности можно рассматривать в качестве формы негативной девиантности. Совершаемые поступки классифицируются государством как преступления экстремисткой направленности. Возникающая социальная напряжённость свидетельствует о восприятии общественностью данных действий девиациями. Девиантный характер религиозного экстремизма обосновывается отклонением от естественного состояния когнитивной системы и психики человека. Причинами этого могут быть нестандартные реакции на внешние раздражители, провоцирующие возникновение устойчивых, эмоционально насыщенных образов. Это вызывает чувство ненависти и агрессию в отношении иных людей по какому-либо признаку. Уникальные интеллектуальные способности получают расстройства в функционировании сознания, которые приводят к возникновению идей и поведенческих паттернов, отклоняющихся от общественной нормы [33]. Принуждение со стороны государства и негативная оценка обществом способствуют замкнутости группы, её дистанцированности, сакрализации «Мы» и демонизации «Они», что приводит к сокращению внешних коммуникативных контактов, к радикализации мировоззренческих установок и, как следствие, насильственному экстремизму.

Религиозный экстремизм представляется результатом преобразования религиозной традиции в соответствии с политическими целями организации при участии духовных авторитетов, преследующих собственные интересы. Религиозные экстремистские организации функционируют в качестве социальных групп, позиционируя себя религиозными объединениями. Понимание действий экстремистскими определяется отношением государства к социальным феноменам, противоречащим социально-политическому положению и конституционному строю, представляющим угрозу для его существования на данном историческом этапе. Следовательно, не все девиантные действия, обусловленные религиозным фактором, должны квалифицироваться в качестве экстремизма. Например, крайние формы религиозного рвения и аскетизм. При этом можно утверждать, что все экстремистские действия обуславливаются девиантностью. Исследование специфики религиозного экстремизма, механизмов функционирования экстремистских идей, их демаркация с религиозной традицией представляется актуальным для повышения эффективности мер по противодействию и оптимизации государственно-религиозных отношений.

Литература

1. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты РФ. URL: <http://legalacts.ru/doc/strategija-protivodeistviya-ekstremizmu-v-rossiiskoi-federatsii-do/> (дата обращения: 28.02.2019).
2. Гилинский Я. И. Советская социология девиантности // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2010. № 1. С. 7—19.
3. Prus R. Terrorism, tyranny, and religious extremism as collective activity: Beyond the deviant, psychological, and power mystiques // *The American Sociologist*. 2005. Vol. 36, Is. 1. P. 47—74.
4. Комлев Ю. Ю. Теории девиантного поведения. От классических построений к модернизмо-посмодернистскому синтезу // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2011. № 4. С. 4—11.
5. Кристи Н. Приемлемое количество преступлений / под общ. ред. Я. И. Гилинского ; пер. с англ. Е. Матерновской, 2-е изд. СПб.: Алетей, 2011. 176 с.
6. Перечень экстремистов и террористов (действующие) // Сайт Росфинмониторинга РФ. URL: <http://www.fedsfm.ru/documents/terrorists-catalog-portal-act> (дата обращения: 28.02.2019).
7. Барановский Н. А. Антидевиантная политика. Теория и социальная практика. Минск: Белорусская наука, 2011. 271 с.
8. Барановский Н. А. Социально-негативные девиации и стратегии антидевиантной политики // Социологический альманах. 2010. № 1. С. 68—76.
9. Ярошевич Е. А. Девиантность и виктимность личности в генезисе и развитии девиантного поведения // Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.А.Куляшова. Сер. Д, Эканоміка, сацыялогія, права. 2016. № 2. С. 53—59.
10. Смолева Е. О. Формирование девиантного поведения несовершеннолетних // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 9. URL: <http://human.snauka.ru/2014/09/7741> (дата обращения: 10.12.2018).
11. Конструирование девиантности / сост. Я. И. Гилинский. СПб.: ДЕАН, 2011. 224 с.
12. Tolmacheva S. M., Reshetnikova I. G., Stashkovskaya N. V., Melnik V. V., Samoylova Y. V. The influence of the Islamic factor on the formation of religious identity // *European Journal of Science and Theology*. 2018. Vol. 14, is. 6. P. 77—86.
13. Henry S. Deviance and Social Control sociology of. In: Rune hov A. L., Oviedo L. *Encyclopedia of Sciences and Religions*. Dordrecht: Springer, 2013.
14. Stauffer C. Transitional Justice. In: Bruinsma G., Weisburg D. *Encyclopedia of Criminology and Criminal Justice*. New York, Heidelberg, Dordrecht, London: Springer, 2014.
15. О противодействии экстремистской деятельности: федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ // Информационно-правовой портал. URL: <http://base.garant.ru/12127578/> (дата обращения: 30.01.2019).
16. Рязанов Д. С. Религиозный экстремизм, религиозно-политический экстремизм и религиозный фундаментализм: общее, особенное, единичное // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. 2014. № 1. С. 177—184.
17. Оганесян С. С., Михайлов В. К. Проблемы правового содержания права на свободу совести и вероисповедания, а также определение религиозного экстремизма // Право и современные государства. 2015. № 3. С. 27—36.
18. Turpin J. *Terror in the Mind of God: The Global Rise of Religious Violence*. By Mark Juergensmeyer. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 2000. P. 316 // *American Journal of Sociology*. 2001. P. 234—235.
19. Ramakrishna K. The Radicalization of Abu Ham die: Wider Lesson for the Ongoing Struggle Against Violent, Extremism in Post-Marawi Mindanao // *Journal of Asian Security and international Affairs*. 2018. Vol. 5, is. 2. P. 111-128.
20. Beller Joh., Kroger C. Religiosity, Religious Fundamentalism, and Perceived Threat as Predictors of Muslim Support For Extremist violence // *Psychology of Religion and Spirituality*. 2018. Vol. 4, is. 10. P. 345—355.
21. Everton S. Social Networks and Religious Violence // *Review of Religious Research*. 2016. Vol. 58, is. 2. P. 191—217.
22. Santoprete M. Global Stability in a mathematical model of de-radicalization // *Physica A: Statistical Mechanics and its Applications*. 2018. Vol. 509. P. 151—161.
23. Zare M. Deviance as Inauthenticity: an Ontological Perspective // *Philosophy of Management*. 2016. Vol. 15, is. 2. P. 151—159.
24. Hornsey M. Dissent and deviance in intergroup context // *Current Opinion in Psychology*. 2016. Vol. 11. P. 1—5.
25. Хаустова Н. А. Идеологические и психологические аспекты изучения религиозного экстремизма // Вестник Полесского государственного университета. Сер.: Общественные и гуманитарные науки. 2018. № 1. С. 47—50.
26. Leeuwen N. Religious credence is not factual belief // *Cognition*. 2014. Vol. 133 (3). P. 698—715.
27. Harrington, N. Irrational Beliefs and Socio-Political Extremism // *Journal of Rational-Emotive & Cognitive-Behavior Therapy*. 2013. Vol. 31 (3). P. 167—178.
28. Решение Верховного Суда РФ от 14 февраля 2003 г. № ГКПИ 03-116 о признании террористическими организации: ... «Партия исламского освобождения» («Хизб ут-Тахрир аль-Ислами») ... и запрете их деятельности // Национальный антитеррористический комитет. URL: <http://nac.gov.ru/zakonodatelstvo/sudebnye-resheniya/reshenie-verhovnogo-suda-rf-ot-14-fevralya.html> (дата обращения: 01.03.2019).

29. Cohen R. The Evolution of Extremism. N.-Y.: Palgrave Macmillan, 2013. P. 131.
30. Michel J., Hargis M. What motivates deviant behavior in the workplace? An examination of the mechanisms by which procedural injustice affects deviance // *Motivation and Emotion*. 2017. Vol. 41, is. 1. P. 51—68.
31. Перечень некоммерческих организаций, в отношении которых принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Министерство юстиций РФ. URL: https://minjust.ru/ru/nko/perechen_zapret (дата обращения: 05.03.2019).
32. Решение Верховного Суда Российской Федерации от 10.04.2008 № ГКПИ08 — о признании международного религиозного объединения «Нурджулар» экстремистским и запрете его деятельности на территории России // Генеральная прокуратура РФ. URL: <http://genproc.gov.ru/special/smi/news/news-63034/> (дата обращения: 01.03.2019).
33. Agnati L., Marcoli M., Agnati U., Ferraro L., Guidolin D., Maura G. The mis-exaptation of the prediction capability of humans and emergence of intolerant religious beliefs // *Neurology, Psychiatry and Brain Research*. 2017. Vol. 23, P. 43—53.

References

1. Laws, codes and regulations of the Russian Federation (2014) *Strategiya protivodeystviya ekstremizmu v Rossiyskoy Federatsii do 2025 goda* [The strategy of countering extremism in the Russian Federation until 2025]. [Online] Available from: <http://legalacts.ru/doc/strategiya-protivodeystviya-ekstremizmu-v-rossiiskoi-federatsii-do/> (Accessed: 28.02.2019). (In Russian).
2. Gilinskij, YA. I. (2010) Sovetskaya sociologiya deviantnosti [Soviet Sociology of Deviance], *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], no 1, pp. 7—19. (In Russian).
3. Prus, R. (2005) Terrorism, tyranny, and religious extremism as collective activity: Beyond the deviant, psychological, and power mystiques, *The American Sociologist*, vol. 36, is. 1, pp. 47—74.
4. Komlev, YU. YU. (2011) Teorii deviantnogo povedeniya. Ot klassicheskikh postroenij k modernistko-posmodernistskomu sintezu [Theories of deviant behavior. From classical constructions to modernist-posmodern synthesis], *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], no 4, pp. 4-11. (In Russian).
5. Christie, N. (2011) *Priemlomo kolichestvo prestuplenij* [A Suitable Amount of Crime] / Gilinskogo YA. I. (ed); Translated by. E. Maternovskoj, 2 nd ed. SPb.: Aletejya Publ., (In Russian).
6. Rosfinmonitoring website of the Russian Federation (2019) *Perechen' ekstremistov i terroristov (deystvuyushchiye)* [The list of extremists and terrorists (acting)]. [Online] Available from: <http://www.fedsfm.ru/documents/terrorists-catalog-portal-act> (Accessed: 02/28/2019). (In Russian).
7. Baranovskij, N. A. (2011) *Antideviantnaya politika. Teoriya i social'naya praktika* [Anti-deviant policy. Theory and social practice]. Belorusskaya navuka Publ., Minsk, Belorussia. (In Russian).
8. Baranovskij, N. A. (2010) Social'no-negativnye deviacii i strategii antideviantnoj politiki [Socially negative deviations and strategies of anti-deviant polit], *Sociologicheskij al'manah* [Sociological almanac], no 1, pp. 68—76. (In Russian).
9. YArashevich, E. A. (2016) Deviantnost' i viktimmnost' lichnosti v genezise i razvitii deviantnogo povedeniya [Deviance and victimization of personality in the genesis and development of deviant behavior], *Vesnik Magilyoyskaga dzyarzhaynaga yuniversitehta imya A.A.Kulyashova. Ser. D, EHkanomika, sacyyalogiya, prava* [News of Magile Dzarzha Naga Universiteta A. Kuljasova. Ser. D, Ekanomika, satsyalogiya, rights], no 2, pp. 53-59.
10. Smoleva, E. O. (2014) "Formirovanie deviantnogo povedeniya nesovershennoletnih" [Formation of deviant behavior of minors], *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya* [Humanitarian scientific research], no 9. Available from: <http://human.snauka.ru/2014/09/7741> (Accessed: 10.12.2018). (In Russian).
11. Gilinskij, YA. I. (ed.) (2011) *Konstruirovanie deviantnosti* [Construction of deviance], SPb. : DEAN Publ. (In Russian).
12. Tolmacheva, S. M., Reshetnikova, I. G., Stashkovskaya, N. V., Melnik, V. V. & Samoylova, Y. V. (2018) The influence of the Islamic factor on the formation of religious identity, *European Journal of Science and Theology*, vol. 14, is. 6, pp. 77—86.
13. Henry, S. (2013) "Deviance and Social Control sociology" of. In: Rune hov, A. L., Oviedo, L. (eds) *Encyclopedia of Sciences and Religions*. Dordrecht: Springer, 2013.
14. Stauffer, C. (2014), *Transitional Justice*. In: Bruinsma G., Weisburg D. (eds) *Encyclopedia of Criminology and Criminal Justice*. New York, Heidelberg, London: Springer.
15. Informational-legal portal (2002) *O protivodeystvii ekstremistskoy deyatel'nosti: federal'nyy zakon ot 25 iyulya 2002 g. № 114-FZ* [On countering extremist activity: federal law of July 25, 2002 No. 114-ФЗ]. [Online] Available from: <http://base.garant.ru/12127578/> (Accessed: 30.01.2019). (In Russian).
16. Ryazanov, D. S. (2014) *Religioznyy ekstremizm, religioznyy politicheskij ekstremizm i religioznyy fundamentalizm: obshchiy, chastnyy, individual'nyy* [Religious Extremism, Religious Political Extremism and Religious Fundamentalism: General, Particular, Individual], *Izv. Irkut. gos. un-ta. Ser. Politologiya. Religiovedeniye* [Izv. Irkut. state un-that. Ser. Political science. Religious studies], no. 1, pp. 177 –184. (In Russian).

17. Oganessian, S. S. & Mikhailov, V. K. (2015) Problemy pravovogo soderzhaniya prava na svobodu sovesti i veroispovedaniya, a takzhe opredeleniye religioznogo ekstremizma [Problems of the legal content of the right to freedom of conscience and religion, as well as the definition of religious extremism], *Pravo i sovremennyye gosudarstva* [Law and modern states], no. 3. pp. 27—36. (In Russian).
18. Turpin, J. (2001) *Terror in the Mind of God: The Global Rise of Religious Violence*. By Mark Juergensmeyer. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 2000. P. 316, *American Journal of Sociology*, pp. 234—235.
19. Ramakrishna, K. (2018), The Radicalization of Abu Ham die: Wider Lesson for the Ongoing Struggle Against Violent, Extremism in Post-Marawi Mindanao, *Journal of Asian Security and international Affairs*, vol. 5, is. 2, pp. 111—128.
20. Beller, Joh. & Kroger, C. (2018) Religiosity, Religious Fundamentalism, and Perceived Threat as Predictors of Muslim Support For Extremist violence, *Psychology of Religion and Spirituality*, vol. 4, is. 10, pp. 345—355.
21. Everton, S. (2016) Social Networks and Religious Violence, *Review of Religious Research*, vol. 58, is. 2, pp. 191—217.
22. Santoprete, M. (2018) Global Stability in a mathematical model of de-radicalization, *Physica A: Statistical Mechanics and its Application*, vol. 509, pp. 151—161.
23. Zare, M. (2016) Deviance as Inauthenticity: an Ontological Perspective, *Philosophy of Management*, vol. 15, is. 2, pp. 151—159.
24. Hornsey, M. (2016), Dissent and deviance in intergroup context, *Current Opinion in Psychology*, vol. 11, pp. 1—5.
25. Haustova, N. A. (2018), Ideologicheskie i psihologicheskie aspekty izucheniya religioznogo ehkstremitizma [Ideological and psychological aspects of the study of religious extremism], *Vestnik Poleskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Obshchestvennye i gumanitarnye nauki* [Bulletin of Polesye State University. Ser. : Social and Human Sciences], no 1, pp. 47—50.
26. Leeuwen, N. (2014) Religious credence is not factual belief. *Cognition*, vol. 133 (3), pp. 698—715.
27. Harrington, N. (2013) Irrational Beliefs and Socio-Political Extremism, *Journal of Rational-Emotive & Cognitive-Behavior Therapy*, vol. 31 (3), pp. 167—178.
28. Nacional'nyj antiterroristicheskij komitet (2003) *Reshenie Verhovnogo Suda RF ot 14 fevralya 2003 g. № GKPI 03-116 o priznanii terroristicheskimi organizacii: ... «Partiya islamskogo osvobozhdeniya» («Hizb ut-Tahrir al-Islami») ... i zaprete ih deyatel'nosti* [Decision of the Supreme Court of February 14, 2003 № GKPI 03-116 on the recognition of terrorist organizations: ... «Islamic liberation Party» («Hizb ut-Tahrir al-Islami») ... and ban their activities]. [Online] Available from: <http://nac.gov.ru/zakonodatelstvo/sudebnye-resheniya/reshenie-verhovnogo-suda-rf-ot-14-fevralya.html> (Accessed: 01.03.2019). (In Russian).
29. Cohen, R. (2013) *The Evolution of Extremism*. N.-Y.: Palgrave Macmillan. P. 131.
30. Michel, J. & Hargis, M. (2017) What motivates deviant behavior in the workplace? An examination of the mechanisms by which procedural injustice affects deviance, *Motivation and Emotion*, vol. 41, is. 1, pp. 51—68.
31. Ministry of Justice of the Russian Federation (2019) *Perechen' nekommercheskikh organizatsiy, v otnoshenii kotorykh prinyato vstupivsheye v zakonnyu silu resheniye o likvidatsii ili zaprete deyatel'nosti po osnovaniyam, predusmotrennym FZ «O protivodeystvii ekstremistskoy deyatel'nosti»* [The list of non-profit organizations in respect of which the decision to liquidate or ban activities on the grounds provided for by the Federal law "on countering extremist activity" has entered into force]. [Online] Available from: https://minjust.ru/ru/nko/perechen_zapret (Accessed: 05.03.2019). (In Russian).
32. General'naya prokuratura RF (2008) *Reshenie Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 10.04.2008 № GKPI08-o priznanii mezhdunarodnogo religioznogo ob edineniya «Nurdzhular» ehkstremistskim i zaprete ego deyatel'nosti na territorii Rossii* [decision of the Supreme Court of 10.04.2008 № GKPI08 — on the recognition of the international religious Association «Nurdzhular» extremist and ban its activities in Russia]. [Online] Available from: <http://genproc.gov.ru/special/smi/news/news-63034/> (Accessed: 01.03.2019). (In Russian).
33. Agnati, L., Marcoli, M., Agnati, U., Ferraro, L., Guidolin, D. & Maura, G. (2017), The mis-exaptation of the prediction capability of humans and emergence of intolerant religious beliefs, *Neurology, Psychiatry and Brain Research*, vol. 23, pp. 43—53.